

Е.Н. Басовская

Самодурство в изображении Фонвизина

Когда создается комедия «Недоросль», «Указ о вольности дворянства» уже почти двадцать лет как подписан Петром III. О важности этого документа историк Н.Я. Эйдельман рассуждал так:

«В 1762 г. свободу, гражданские права получила небольшая часть — один-два процента населения... Впервые в русской истории закон запрещал пороть хотя бы какую-то часть населения. Прежде, при Иване Грозном, Петре Великом, при Бироне, разумеется, знатные господа били, мучили низших, но очень часто и им “перепали” кнут, дыба.

“Освобождение дворянства”... Прямо из старинных, жестоких времен не могли бы явиться люди с тем достоинством и честью, что мы привыкли видеть у Пушкина, у декабристов... Для того чтобы появились такие люди, понадобится, по меньшей мере, два “непоротых поколения”... Начиная с 1762 года».

В пьесе Фонвизина показательное само количественное соотношение: Стародуму с его обостренным чувством чести и двум его довольно бледным сторонникам — Правдину и Милону — противопоставлен целый мир покорности, безгласности, бесконечного унижения личности. Когда, знакомясь с приезжим, Скотинин, Простаков и Митрофан определяют себя «через Простакову» («сестрин брат», «женин муж», «матушкин сынок»), они лишь очередной раз подчеркивают свое добровольное рабство. В советской школе при изучении «Недоросля» было принято громко жалеть крепостных, горькую долю которых символизировало грубое и жестокое обращение Простаковой с Еремеевной и Тришкой. Но не будем забывать, что «благородным» обитателям Простаковки приходится не слаще. Вспомни, как всевластная хозяйка шепчет мужу, не догадавшемуся подольститься к Стародуму: «Опять зазевался, мой батюшка; да изволь, сударь, проводить его. Ноги-то не отнялись». Кроме обращений «мой батюшка» и «сударь» здесь все годится и для приказа крепостному — тот же не терпящий возражений, одновременно раздраженный и снисходительный тон.

Литературовед Ст. Рассадин назвал главу книги о Фонвизине, посвященную «Недорослю», — «Бабье царство». Исследователь замечает: комедия создана и поставлена в разгар екатерининского правления. Уж не уменьшенная ли модель Российского государства, придавленного деспотической женской властью, вольно или невольно сконструирована драматургом? Сходство во многом. «Одна моя забота, одна моя отрада — Митрофанушка, — признается госпожа Простакова. — Мой век проходит. Его готовлю в люди». Хозяйка Простаковки безумно, слепо любит одного-единственного человека — родного сына. Хозяйка империи Екатерина II славилась влюбчивостью и страстностью натуры. Каждый следующий ее фаворит получал чины, земли и неограниченную власть. При этом он мог быть так же необразован, самовлюблен и капризен, как Митрофанушка.

Вряд ли, конечно, Фонвизин ставил перед собой дерзкую цель спародировать государство времен Екатерины II. Нет, он обрушивался на невежество (что было вполне в духе времени: непросвещенность охотно высмеивала и сама императрица, например, в комедии «О, время!», написанной за десять лет до «Недоросля»), он изливал душу и тихо сетовал на то, что достойные часто остаются не оцененными... Но на первый план в пьесе, независимо от воли автора, вышла идея человеческого достоинства, которое преступно подавляется тиранической самодурной властью.

Через много лет после Фонвизина другой остроумный человек, автор множества комедий Александр Николаевич Островский придумает такое определение:

«Самодур — это называется, коли человек никого не слушает, ты ему хоть кол на голове теши, а он все свое. Топнет ногой, скажет: кто я? Тут уже все домашние ему в ноги должны, так и лежат, а то беда».

Как ни прискорбно, для Островского в середине XIX века проблема самодурства была все такой же актуальной, как для Фонвизина во второй половине XVIII. Она оставалась острой для всея России — громадной, богатейшей страны, удивлявшей и пугавшей цивилизованный европейский мир тем, что в ней продолжали, как в варварские времена, продавать и покупать живых людей. Как известно, существует прямая зависимость: тот, кто угнетает и унижает других, сам готов превратиться в раба. Вот и оборачивался российский дворянин то всемогущим хозяином — со своими крепостными, то презренной тварью — в отношении государя и государства. И в этом смысле удивительно глубока и прозорлива пьеса Фонвизина: в финале уличенная в злоупотреблениях и лишенная прав Простакова сейчас же падает на колени и чуть ли не в грязи ползает перед новым хозяином — Стародумом.

«...Спросят меня, как же управляется эта страна и на чем она держится? – писал в середине XVIII века французский посол в России Корберон. – Управляется она случаем и держится на естественном равновесии, подобно огромным глыбам, которые сплавивают собственный вес».